

Шурупова Ольга Сергеевна

К ВОПРОСУ О СВЕРХТЕКСТЕ

В статье раскрывается содержание понятия "сверхтекст" и уточняются отличия сверхтекста от других текстовых явлений. Подвергнув анализу существующие относительно сверхтекста точки зрения, автор предлагает собственное определение данного культурно-языкового феномена. Обозначены признаки, на основе которых система текстов может быть признана сверхтекстом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 225-227. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 882:417.3

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятия «сверхтекст» и уточняются отличия сверхтекста от других текстовых явлений. Подвергнув анализу существующие относительно сверхтекста точки зрения, автор предлагает собственное определение данного культурно-языкового феномена. Обозначены признаки, на основе которых система текстов может быть признана сверхтекстом.

Ключевые слова и фразы: культура; сверхтекст; мифотектоника; мифотектоническая парадигма; сверхтекстовая картина мира.

Ольга Сергеевна Шурупова, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Липецкий государственный педагогический университет

shurupova2011@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВЕРХТЕКСТЕ[©]

В современных условиях развитие лингвистики определяется идеей тесной взаимосвязи знаний о языке со знаниями о человеке. Ввиду этого актуальность приобретают не только работы, посвященные явлению текста, но и исследования сверхтекста как феномена культуры, в котором не только обретают подлинный смысл все языковые реалии, но и отражаются менталитет и сознание народа.

Ю. М. Лотман утверждает, что «тексты выполняют две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов. Первая функция выполняется наилучшим образом при полном совпадении кодов говорящего и слушающего и, следовательно, при максимальной однозначности текста» [5, с. 427]. В пределах культуры с мифологической ориентацией обычно возникает некий текст-код, который «может быть осознан и выявлен в качестве идеального образца», причем это ни в коем случае не абстрактный набор правил для построения текста, а именно текст, «организованная структура знаков, наделенная всеми признаками текстовой реальности, даже если она нигде не выявлена, а лишь неосознанно существует... организуя... память и подсказывая... пределы возможного варьирования текста... Разумеется, свобода носителя языка и культуры этим не нарушается» [Там же, с. 426]. Примером такого текста-кода может служить народная сказка, существующая в виде бесконечного множества вариантов, каждый из которых в большей или меньшей степени соответствует определенной модели.

Тем не менее в рамках письменных культур тоже можно выделить особые культурно-системные речевые образования, или сверхтексты, которые представляют собой совокупность высказываний, объединенных своим содержанием и имеющих единую идейную установку. Изучение сверхтекстов становится одним из важнейших направлений современной антропоцентрической лингвистики, поскольку позволяет рассматривать факты языка в неразрывной связи с культурой его носителей и может способствовать процессу осознания современным человеком индивидуальности той нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства ее культуры. По замечанию Н. Е. Меднис, «сам факт образования какого-либо сверхтекста можно воспринимать как неоспоримый знак культурной “силы” реалий, этот сверхтекст породивших. Сверхтекст не только отмечает некие высшие точки литературы и культуры, но и формирует вокруг этих точек обширное поле смыслов, обеспечивающее гениальным явлениям полноту жизни в веках» [7].

В текстах, способных объединиться в целостный сверхтекст, по словам В. Н. Топорова, выделяется «ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику» [9, с. 279]. Таковы, например, единства художественных текстов, складывающиеся вокруг топонимов и антопонимов высокой культурной значимости. Некий «надтекст» присутствует в каждом из них, подобно тому как модель волшебной сказки – в любом из ее вариантов. Впрочем, тематическая привязка этих текстов к тому или иному топониму еще не гарантирует принадлежности произведений к сверхтекстовому единству, ибо «решающая роль здесь принадлежит независимому от индивидуального сознания писателя мифологическому субстрату, питающему единую мифотектонику всего палимпсестного ряда произведений» [10, с. 264].

Однако другие виды текстов тоже могут образовывать особые культурно-системные единства. Так, Н. А. Купина и Г. В. Битенская анализируют всю речевую действительность периода путча 19-21 августа 1991 г., в том числе официально-деловые, публицистические и разговорные тексты, созданные в этот период, как единый сверхтекст [4, с. 215]. Как утверждает А. Г. Лошаков, любой сверхтекст строится благодаря «процессам смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных межтекстовых связей, с другой – центробежных интертекстуальных связей, ориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста... Благодаря центростремительным связям происходит стяжение текстов в едино-цельную конструкцию, благодаря центробежным – очерчиваются контуры... сверхтекста» [6, с. 7].

Следует отметить, что для обозначения явления, чаще всего именуемого сверхтекстом, в современной науке до сих пор используются различные термины. Так, в работах современных лингвистов нередко

встречается слово «гипертекст», получившее широкую известность в связи с появлением электронных текстов. Однако понятие гипертекста, тесно сближаясь с феноменом сверхтекста, одновременно отталкивается от него, ибо охватывает слишком большое количество разнородных явлений. По замечанию А. Г. Лошакова, гипертекст, в отличие от сверхтекста, «изначально планируется как текст, в котором связи устанавливаются... между отдельными законченными текстами», и характеризуется дисперсностью, то есть сегментированным способом организации информации, позволяющим «входить в гипертекстовую систему с любого узла», нелинейностью, мультимедийностью, интерактивностью, децентрализованностью [Там же, с. 13]. Г. К. Аскарлова подчеркивает, что гипертекст может сочетать «обычный или звучащий текст, движущееся изображение» [1, с. 20]. В настоящее время встречаются мнения, что гипертекстом следует называть только тот текст, который обладает электронным носителем, а также разветвленной и упорядоченной системой ссылок, позволяющих переходить от отдельного текста или фрагмента к другим, связанным с ним по содержанию.

В. И. Тюпа и С. В. Канькин используют в отношении рассматриваемого нами явления термин «интертекст», который, однако, представляется не совсем точным, поскольку в современной лингвистике интертекстом, помимо совокупности нескольких текстов, образующих культурно-смысловое единство, нередко называют любой текст, содержащий цитаты; текст-источник по отношению к «младшему» тексту; подтекст как компонент семантической структуры произведения [3, с. 118; 10, с. 264]. Большое количество значений данного термина зачастую мешает его верному пониманию в том или ином контексте. Кроме того, термин «интертекст», по замечанию Н. Е. Меднис, «оказывается слишком узким» [7], употребляя его для обозначения некоей системы текстов, исследователь неизбежно подчеркивает, что данные тексты объединены с помощью явного и скрытого цитирования одного из них в пределах других. Однако «сверхтекст в своей развертке устремлен не только во внеположенную по отношению к нему словесную текстовую сферу, но и, причем в значительной мере, в область культуры, взятой в самых разных проявлениях» [Там же]. По утверждению Н. Е. Меднис, «любой сверхтекст является в то же время интер- и гипертекстом, но не любой интер- или гипертекст может быть определен как сверхтекст» [Там же].

Наконец, Т. М. Николаева прибегает для обозначения культурно-системного единства текстов к термину «Х-текст». По ее мнению, с помощью данного слова можно подчеркнуть неиндивидуализированность данных систем текстов [8, с. 579]. Думается, что термин «сверхтекст», кроме того, звучит более точно и определенно, чем «Х-текст»: несмотря на высокую степень обобщения, характерную для системно-культурных единств текстов, у многих текстов, представляющих собой единицы данных систем, есть автор, имя которого известно читателям и творческая индивидуальность которого проявляется в его произведении. Сверхтекст представляет собой систему тесно связанных друг с другом, но по-своему разнообразных текстов, каждый из которых обладает своими особенностями и вносит в общее звучание сверхтекста свою ноту. Так, повести Н. В. Гоголя или романы Ф. М. Достоевского, которые столь же органично входят в Петербургский текст, сколько «Медный всадник» А. С. Пушкина, вносят в характерное для него восприятие Петербурга оттенки, во многом отличные от пушкинского видения города. Поэтому, хотя такие тексты и объединяет некий общий код, нельзя говорить об их полной «неиндивидуализации». Таким образом, термин «сверхтекст», в котором отражаются главные особенности текстовых единств, представляется наиболее уместным.

В современной лингвистике наблюдаются различные подходы к изучению сверхтекстов, которые являются важнейшей составляющей любой культуры. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно главных признаков сверхтекста и не дали окончательного, исчерпывающего определения этого культурно-языкового феномена. Однако существующие в науке определения сверхтекста можно разбить на две основные группы: если В. И. Тюпа придерживается мнения, что развитие сверхтекста в большей степени определяется его внутренней логикой, чем волей авторов, и данную точку зрения в большей или меньшей степени разделяют А. В. Бобраков-Тимошкин и Н. Е. Меднис, то для работ Н. В. Данилевской, Н. А. Купиной, Г. В. Битенской, А. Г. Лошакова характерно широкое понимание сущности сверхтекста, при котором не учитывается культуроцентричность данного феномена. Эти исследователи подчеркивают зависимость формирования сверхтекста от полагаемого автором вектора, называя сверхтекстом не только системы текстов, характеризующиеся единой модальной установкой, смысловой и языковой цельностью, но и совокупность текстов, созданных одним автором на протяжении его жизни, а также в определенный период творчества или на определенную тему.

Кроме того, спорным является такое качество сверхтекста, как темпоральная и локальная ограниченность. Если Н. А. Купина и Г. В. Битенская, давая определение сверхтексту, подчеркивают это свойство, то Н. Е. Меднис спорит с данной точкой зрения, утверждая, что сверхтекст представляет собой незамкнутое единство. Ее взгляды разделяет и А. Г. Лошаков, утверждающий, что сверхтекст – это, как правило, динамическая система текстов, способная развиваться, пополняясь новыми составляющими [6].

Мы будем придерживаться точки зрения, которую разделяют Н. Е. Меднис и В. И. Тюпа, то есть считать сверхтекстом систему текстов, которые созданы различными авторами, и общность которых основана не столько на замысле их создателей, сколько на существовании единого культурного кода, обнаруживающего сходство с мифом, присутствующим в сознании большинства носителей языка и культуры и так или иначе проявляющимся в их текстах. Думается, нельзя не согласиться с мнением Н. Е. Меднис, утверждающей, что «и возникновение реальных сверхтекстов, и потребность их исследования во многом определяются пульсацией сильных точек памяти культуры» [7].

В настоящее время большинством ученых выделяются такие парадигмы текста, как жанровая, функционально-стилевая, индивидуально-авторская, тематическая [2, с. 175]. Думается, однако, что тексты объединяются

в сверхтекст не только на основе данных парадигмообразующих признаков. В основе сверхтекста лежит единая модель мира, единая «мифотектоника» [9, с. 270], характерная для всех его составляющих, то есть некий мифологический субстрат, культурный код, схема, согласно которой во всех составляющих сверхтекста изображается тот или иной интенциональный объект. В. И. Тюпа подчеркивает, что тематическая привязка текстов к какому-либо объекту, например Петербургу, Москве, Лондону, не гарантирует принадлежности их к одному сверхтексту. В то же время неправильным было бы утверждать, что единицами одного сверхтекста могут быть исключительно тексты, образующие единую жанровую или индивидуально-авторскую парадигму. Для сверхтекста, на наш взгляд, характерен коллективный автор.

Наряду с другими парадигмами, в которые могут вступать тексты, по нашему мнению, следует выделить мифотектоническую парадигму, то есть объединения текстов, обнаруживающих общий мифологический код, как правило, связанный с тем или иным внетекстовым объектом. Подобные отношения могут возникать между текстами разных жанров, созданных различными авторами (например, «петербургские» повести Н. В. Гоголя и романы Ф. М. Достоевского имеют сходную мифотектонику). Таким образом, мы примем следующее определение сверхтекста: *это открытая система текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира.* Именно общая для всех единиц данной системы сверхтекстовая картина мира делает это образование «самодостаточным и суверенным» и позволяет сверхтексту реализовать его «высшие смыслы и цели» [Там же, с. 268].

В современной науке существуют различные точки зрения на критерии выделения сверхтекста. Несомненно, важнейшим из них является наличие у каждого сверхтекста своего образно и тематически обозначенного центра, некоего «внетекстового фундамента», имеющего отношение к культуре, составной частью которой становится сверхтекст. Среди других критериев исследователи указывают наличие относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста и определяющих законы его формирования и тенденции его развития; семантическую связность; кросс-жанровость, смысловую цельность, общность языковой организации; открытость, подразумевающую одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста; синхроничность [7].

Таким образом, сверхтексты являются важными составляющими каждой культуры. Исследуя тот или иной сверхтекст как многоуровневую систему, компоненты которой, находящиеся в прямых и обратных связях, участвуют в создании целостного художественного пространства, возможно выделить тексты, составляющие его ядро и находящиеся на границе культурно-системного единства, выявить ключевые образы и мотивы, играющие немаловажную роль в различных произведениях, относящихся к сверхтексту, и, разумеется, проанализировать их языковую ткань. Многие вопросы, касающиеся изучения сверхтекстов, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с их характеристикой и классификацией. Тем не менее большинство исследователей признает важность изучения сверхтекстов, которые, являясь немаловажной частью национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения.

Список литературы

1. Аскарлова Г. К. Гипертекстовая модель когнитивно-лингвокультурологического комплекса по иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4. С. 19-22.
2. Земская Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / под ред. А. А. Чувакина. М.: Флинта; Наука, 2010. 224 с.
3. Канькин С. В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. 143 с.
4. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: ИПРО, 1994. С. 214-233.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 704 с.
6. Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киров, 2008. 48 с.
7. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megansk.ru> (дата обращения: 28.11.2011).
8. Николаева Т. М. «Московский текст» в переписке Пушкина // Лотмановский сборник. М.: Изд-во РГГУ, 1997. № 2. С. 577-590.
9. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 259-367.
10. Тюпа В. И. Фрагменты Петербургского интертекста // Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 264-272.

TO QUESTION OF SUPERTEXT

Ol'ga Sergeevna Shurupova, Ph. D. in Philology
 Department of Foreign Languages
 Lipetsk State Pedagogical University
 shurupova2011@mail.ru

The author reveals the content of the notion “supertext”, specifies the differences between supertext and other textual phenomena, analyzes the existing points of view concerning supertext, suggests her own definition of this cultural-linguistic phenomenon, and emphasizes the features, basing on which the system of texts can be recognized as a supertext.

Key words and phrases: culture; supertext; mytho-tectonics; mytho-tectonical paradigm; supertextual picture of the world.